Майор и Ева

Любовь Рябикина

SHOUT
SHARE
IT

- Рябикина Любовь
  -

Рябикина Любовь
Майор и Ева

Любовь Рябикина
Майор и Ева

Серые усталые глаза без блеска, смуглое загорелое лицо с острыми скулами, короткий ежик рано поседевших на висках волос под малиновым беретом, выгоревшая на солнце пятнистая форма, сидевшая на высокой худой фигуре мешковато. Это и был Климук, мое "высокое начальство" на целых полтора месяца. Для начала, он страшно не хотел брать меня в рейд. Недовольство и презрение было написано на его лице, сквозило в каждом жесте, когда я протянула бумаги. Он рывком схватил их, долго читал, буквально "ощупывая" каждую запятую. По его напряженному лицу я видела, что он ищет повод для отказа. Повода не было, а приказ есть приказ. Скрепя сердце, майор буркнул:

- Ладно. Завтра в семь выезжаем. Опоздаете - ждать не будем!

Он явно надеялся, что московская журналистка проспит. А я ухмыльнулась про себя, угадав его тайные желания: "Не дождешься! Не для того я полтора месяца за начальством, как хвост ходила, чтобы теперь элементарно проспать". Этот репортаж с настоящего рейда, с настоящими разведчиками, я вынашивала в себе около года. Ругалась с начальником, просила, требовала и даже умоляла, хотя мне и противно было стоять в "рабской позе". Раз десять получила отказ, но на одиннадцатый начальство не выдержало и позвонило, кому следует. Вот так я оказалась включенной в группу разведки, хотя и с неясными мне пока полномочиями...

Ради этого рейда я впервые захватила с собой два будильника, хотя часов принципиально не ношу. Слишком часто теряю и разбиваю. Перед тем, как лечь спать, предупредила на посту дежурного по офицерскому общежитию и свою соседку по номеру. Этого мне показалось маловато и я забрела к соседям. Договорилась и с ними.

Наутро майор застыл с открытым ртом возле БТРа, когда я вышла из-за угла и решительно направилась к нему. На его лице застыло настоящее отчаяние. Разведчики тоже особой радости не выразили. Мрачно смотрели на мой здоровенный рюкзак, я их понимала: таскайся теперь с этой журналисткой! Они, судя по лицам, считали меня "тепличным растеньицем" и готовились к капризам. Я с самым независимым видом забралась на броню. Как бывалый солдат опустила рюкзак в темное нутро машины,

пристроив его возле стенки, выпрямилась и с улыбкой поздоровалась со всеми:

- Доброе утро! Надеюсь, не сильно вас задерживаю?

Это явно было уже чересчур с моей стороны. Майор аж побелел, сжал кулаки и отвернулся, что-то вполголоса пробурчав. Затем повернулся и мрачно ответил:

- Доброе!.. Может, оставите свою глупую затею? Не дело это для женщины с отрядом мужиков в рейд уходить. Что подумают ваши коллеги? К тому же поход тяжелый и длительный. Дождитесь чего-нибудь полегче. Через недельку второй отряд убывает в недельный поиск. Идите с ним. Впечатлений, уверен, вполне хватит! Я помогу вам туда попасть.

Я прекрасно поняла, что стоит за этой речью, но ничуть не смутилась. Улыбнулась самой ослепительной из своих улыбок. Крепко вцепилась правой рукой в скобу, словно боясь, что он меня стащит с брони после этих слов и ответила:

- А я с вами хочу!

Он не выдержал, "взорвался" словно граната и заорал:

- Хочу?! Вы эти штучки для Москвы приберегите! Да вы хоть понимаете: случись что с вами, с меня голову снимут?! Под суд пойду! Не нужны мне бабы в отряде, понимаете, не нужны! Я за ребят своих отвечаю, а теперь еще из-за вас головная боль! Думаете, что мне только цацканья с белоручками не хватает? Откажитесь добровольно, а иначе я вам такую житуху устрою, всю жизнь каяться будете!

Он орал, размахивая руками перед моим носом, а я наоборот с каждой секундой становилась все спокойнее. Разведчики возле БТРа замерли в удивлении. По их лицам я поняла, что они видят командира в таком состоянии впервые. Когда он замолчал, спрыгнула с БТРа, подошла вплотную к майору и тихо сказала:

- Зачем же кричать? Я этого рейда год ждала и не откажусь. Могли бы и сами догадаться. Доказывать вам я ничего не буду.

Майор прикрыл глаза, покрутил головой и несколько раз торопливо втянул воздух сквозь стиснутые зубы. Прошипел, словно рассерженная кобра:

- Дело ваше...

Я кивнула и снова вскарабкалась на броню. Устроилась как можно удобнее, ухватившись рукой за скобу. Другой рукой пониже натянула пятнистую фуражку. Теперь внешне я ничем не отличалась от солдат. Та же пятнистая форма, те же шнурованные ботинки. С БТРа наблюдала за майором. Тот подозвал к себе прапорщика и что-то сказал ему вполголоса, яростно посмотрев в мою сторону. Смуглый прапорщик ухмыльнулся и исчез за углом. Я моментально насторожилась, всей шкурой почуяв приближение

неприятностей. Вернулся он с бронежилетом и стальной каской, которые тащил, склонившись на один бок. Протянул оба предмета мне и безоговорочным тоном приказал:

- Одевайте!

Я решила не перечить и молча протянула руку к бронику. Его тяжесть едва не сбросила меня на землю. Если бы не рука, засунутая в скобу, точно бы слетела и воткнулась лбом в бетон. Чертов майор всучил бронежилет с пятой степенью защиты - это значит килограммов около пятнадцати! Да и каска оказалась тяжеленной, килограммов в пять. К тому же сверху она была обтянута тряпкой. Сделав вид, что для меня все нипочем, кое-как встала на броне и принялась "одеваться". Плечи мгновенно "придавило", голова самостоятельно полезла в плечи и меня неудержимо потянуло сесть на землю.

Краем глаза заметила веселые ухмылки разведчиков и подумала: "Ну-ну, улыбайтесь! Я вам за все это отплачу в будущем. А пока стона не дождетесь". С бронежилетами я уже была "знакома" так что справилась с застежками быстро, к явному удивлению майора. Тот искоса наблюдал за мной, хотя и стоял боком. Усевшись на броне, словно наседка, стараясь держаться прямо, спросила:

- Товарищ майор, вы так и не представились. Меня зовут Ева, а вас?

Он раздраженно хмыкнул:

- Тогда я - Адам!

- Меня, действительно, Евой звать. Вот уж не ожидала Адама здесь встретить. Почти по Библии. А по отчеству, Адам...

Я замерла, ожидая услышать продолжение. Разведчики заухмылялись. Он заметил их улыбки и видимо сообразил, что однажды я могу назвать его "Адамом" при всех. Торопливо поправился:

- Вообще-то меня Олег Александрович зовут. Я думал, что вы шутите...

Я самым вежливым тоном сказала:

- Очень приятно.

Он отвернулся, показывая всем своим видом недовольство и то, что ему мое имя "до фени". Разведчики расселись по трем БТРам, заставив меня пересесть в середину. Мы выехали за ворота. Но ехали не долго, лишь до аэропорта. Оказалось, что до места назначения нас перебросят вертолетами. Я уже твердо считала себя входившей в группу майора Климука, поэтому и пишу "нас". Один из ребят забрался внутрь БТРа и самым первым выбросил из люка мой рюкзак. Я едва успела подхватить его над бетоном и сразу взвыла дурным голосом, забыв о вежливости:

- Ты что, идиот? У меня же там фотоаппараты с пленками!

Мгновенно подскочивший майор сухо сказал:

- В моем отряде идиоты не водятся!

Я обернулась и все еще злясь, ответила:

- Извините, господин майор, ошиблась в звании!

Разведчики вокруг фыркнули и начали отворачиваться, пряча улыбки. Это был один-ноль в мою пользу. Он оторопело поглядел мне в лицо и ушел к другому БТРу. Через пару минут вернулся и снова попытался уговорить остаться. По его лицу видела, чего ему стоят эти уговоры, но снова решительно отказалась возвращаться в общежитие. Если бы перед ним был мужчина, то уж наверняка услышал бы о себе много интересного. Я была женщиной. Не знаю как, но майор сдержался, хотя в его взгляде я прочла всю свою подноготную, вместе с родословной. Климук сбежал.

Забросив рюкзак на плечо, решительно направилась к вертолету, на который уже забирались ребята из группы. На ходу прикидывая: как же на него забраться без лестницы? Двое парней все же протянули мне руки, забрали рюкзак и втащили на борт. Впрочем, на этом "вежливость" закончилась. Я тут же, как куль, брякнулась под тяжестью жилета и каски на металлический пол, запнувшись за небольшой выступ. Они даже не попытались подхватить. Во время падения не застегнутая каска съехала на нос, прикрыв глаза. Ничего не видя, я долбанулась ею в пол, вызвав гомерический хохот разведчиков и едва не выбив краем собственные зубы. Представляю, какой у меня был вид при этом!

Зато меня, хоть и не сразу, но подняли и даже поправили каску. Мужики старались не смеяться, но слезы на глазах и дергающиеся лица не вызывали никаких сомнений в том, что я их изрядно повеселила. С самым любезным видом поблагодарила помощников и молча села на сиденье возле иллюминатора, пристроив рюкзак у ног. Во рту стоял привкус крови из-за разбитой внутри верхней губы. Зубы было больно, но я терпела.

Вредный майор уже через пять минут прогнал меня от окошечка в самый хвост вертолета. Молча подчинилась, хотя внутри все кипело от ярости. Села на крайнее сиденье и нахохлившись, исподлобья, смотрела на совершенно не обращавшего на меня внимания Климука. Почему-то больше всего задевало его нарочитое пренебрежение. Этот худощавый майор отдавал распоряжения по погрузке снаряжения, о чем-то спрашивал прапорщиков и сержантов. И вовсю делал вид, что меня в его группе нет. Мне было обидно за такое отношение. Один из парней, круглолицый, с мелкими темными веснушками, рассыпанными по всему лицу и пухлыми детскими губами, на пару секунд присел рядом. Голубые глаза внимательно взглянули

на мое надутое лицо. Покосившись на открытый люк, солдат тихо сказал:

- Да вы не обижайтесь! Клим скоро успокоится. А от окна он вас убрал правильно. В том районе, куда летим, часто обстреливают с земли. Ребята иллюминаторы открывают и в ответ стреляют. Не обижайтесь. Он вообще-то мужик справедливый...

Мне стало немного легче. Хоть кто-то поддержал в трудный час! Парень отошел, чтобы оттащить в сторону заброшенный на платформу тюк. Начиналась погрузка. Я отставила свой рюкзак, положила на него каску и шагнула к люку. Ухватила один из ящиков за углы и таском потащила в хвост вертушки. Чья-то рука мелькнула перед носом. Остановилась и подняла голову: дорогу преграждал майор:

- Сидите спокойно. Мужики погрузят и сами. Вы все же женщина...

Я огрызнулась, сразу вспомнив обиду:

- Не слабее вас!

Он неопределенно покачал головой и отошел, предоставив мне свободу действий. К концу погрузки тенниска и куртка под бронежилетом взмокли, от косметики на лице не осталось и следа, тщательно промытые утром волосы под фуражкой превратились в сосульки. Сердце в груди тарахтело, а не стучало, но я не сдавалась и с утроенной энергией схватилась за последний тюк.

Когда погрузка закончилась, уселась на сиденье и решилась взглянуть на себя в маленькое зеркальце. Осторожно вытянула его из кармана брюк. Украдкой, чтоб никто из ребят не видел, взглянула на свое отражение. Это был шок! Ярко-бардовая потная физиономия с прилипшими ко лбу волосами и какими-то серыми грязными пятнами на щеках и подбородке, совсем не напоминала то милое личико, которое смотрело на меня из зеркала утром. Верхняя губа от удара каски распухла и на ней ясно прослеживался синеватый тонкий след.

Я молча засунула зеркало в карман, решив смотреться в него пореже и откинулась спиной на стенку вертолета. Из-под полуопущенных век поглядывала на запрыгивающих на платформу ребят. По их взглядам поняла, что отношение ко мне несколько изменилось. Рядом сел тот же веснушчатый парень. Обстоятельно устроил рюкзак в ногах, чтоб не падал и не качался, затем повернулся и представился:

- Меня Иваном зовут. Иван Богота. Вы под моим присмотром будете, майор распорядился. Если что потребуется, скажете. Зачем вы в бронике ящики грузили? На время погрузки, если

опасности нет, снять можно.

Я мысленно выругала себя за глупость и улыбнулась парню, как ни в чем не бывало:

- Я - Ева. Боялась, что ваш Клим снова ругаться начнет.

- Да не!.. Он нормальный, просто с вами в отряде хлопот на него взвалилось больше. Сами поймите. Женщины-журналисты в рейд с нами еще ни разу не ходили. Да еще и на такой длительный срок...

Я покосилась на присевшего на ящик у открытого люка майора и решила, что впредь дуться на него не буду. Люк захлопнулся. Вертолет слегка вздрогнул. Через головы застывших у иллюминаторов ребят было видно, как начали вращение огромные лопасти - все быстрее и быстрее. Гудение стало нестерпимым. Вертолет немного пробежал по бетонке, развернулся и взлетел. Чуть наклонясь носом вперед, он понес нас в сторону Терского хребта. Перемахнул через него и двинулся дальше.

Летели мы минут двадцать пять. Оба вертолета зависли у границы леса, который поднимался почти до вершины горы. Разведчики начали выпрыгивать из зависшей в метре над землей вертушки. Несколько человек бросились к ельнику для разведки, остальные выстроились в цепочку и принялись быстро и слаженно разгружать вертушки. Я тоже приняла участие: подтаскивала к открытому люку ящики и тюки. Когда внутри ничего не осталось, стоявший у люка парень протянул ко мне руки:

- Идите сюда, я вас сниму.

Я шагнула к нему и упала прямо на протянутые ладони. Он поставил меня на землю, схватил за руку и потащил за собой. В бронежилете и с каской в руке бежать было тяжело. Едва успели отбежать метров на двадцать, как вертолеты взмыли и понеслись назад, в Грозный.

Пока разведчики разворачивали лагерь, я вызвалась сготовить обед. В свое время, учась в институте, мне часто приходилось бывать в дальних походах и стряпня на костре была знакома не по наслышке. Климук хмыкнул в ответ на мою просьбу и разрешил. В помощники оставил Ивана Боготу.

Пока я распаковывала продукты, парень натаскал сухих сучьев и вырыл продолговатую траншею. Разжег в ней костер и повесил над ним на рогульках довольно большие, примерно ведра на полтора, котлы. Сразу три. Я по очереди помешивала в них кипящий суп и гречневую кашу с тушенкой. На минутку распрямила затекшую спину, подставив лицо легкому ветерку и заметила что-то блестящее на елке. Это "что-то" слегка покачивалось от ветра. Присмотрелась, но ничего не поняла.

Спросила Ивана, как раз подошедшего, чтобы подкинуть дров:

- Ваня, а что это на елке блестит метрах в двухстах? Никак не разберу!

Он резко обернулся:

- Где?

Я хотела показать рукой, но он сцапал меня за ладонь. Проследил за моим взглядом и молча поволок за собой к командиру. Я, запинаясь, бежала за ним с поварешкой в руке. Богота подошел к майору:

- Товарищ майор, корреспондент на елке что-то заметила. Направление на восток, расстояние, как она говорит, метров двести.

Климук недовольно посмотрел на меня, вздохнул и украдкой взглянул в ту сторону. Видимо и он заметил предмет, так как быстро сказал вполголоса:

- Аксененко, Давлетьяров, проверьте елку на востоке. Будьте осторожны.

Два высоких стройных парня мгновенно исчезли. Минуты через две они вернулись, протянули командиру блестящую фольгу и доложили:

- Фольга после импортного концентрата "Мясо сублимированное". Свежая, даже запах еще не выветрился. Вероятно, ветром от винтов занесло. Еле сняли. Кто-то до нас здесь был. А у журналиста глазки работают!

Майор хмыкнул и буркнул, не обращая внимания на то, что я стою рядом:

- Ага, как у сороки! Проверьте округу на полкилометра. Может, следы найдете.

Я обиделась на "сороку" и отходя в сторону, тоже не удержалась от колкости:

- Я хоть сорока, а сам-то - филин! Бумажку днем не увидел, тоже мне разведчик!

Богота потом сказал, что Климук обернулся при этих словах и поглядел мне в спину таким взглядом, словно собирался убить. Он явно был "сыт мной" по горло. Не улети вертолеты он бы, думаю, точно в тот момент зашвырнул меня внутрь и отправил в Грозный. Но, как говорится, поезд ушел! Разведка вернулась минут через двадцать, но о чем они говорили с майором, я не слышала. Видела лишь, как уже с десяток разведчиков бросилось влево. Вернулись они мрачные и только отрицательно покачали головой в ответ на вопросительный взгляд Климука.

Сготовленный мной обед понравился всем, кроме майора. Он ел с таким видом, словно ему положили в котелок старую калошу вместе с вонючими пропотевшими носками. До конца дня он

демонстративно не обращал на меня никакого внимания. Остальные, было похоже, уже смирились с моим присутствием. Большинство разведчиков искренне поблагодарили за обед и осведомились:

- А ужин тоже вы готовить будете?

Я кивнула, вставая с бронежилета, на котором сидела вместо стула:

- Если хотите, я буду готовить в те дни, когда свободна. Но есть одно условие...

Они мгновенно насторожились и чуть приблизились. Прапорщик со смешной фамилией Бобр, действительно очень похожий круглыми глазками и пухлым лицом на это животное, осторожно спросил:

- И что это за условие?..

- Сейчас лето. Вокруг полно съедобных трав и начали поспевать ягоды. Даже тут, неподалеку, я заметила землянику. Их можно использовать, как десерт, приправы или чай. Как я понимаю, из лагеря в одиночку вы меня не выпустите, тогда приносите мне травы, возвращаясь с походов. Или я буду собирать ягоды и травы с кем-то из вас, по очереди.

Все дружно и с облегчением вздохнули:

- Согласны, только покажите, какие травы вам нужны.

Я улыбнулась:

- И еще одно - зовите меня на "ты" и по имени. Я - Ева Вяльцева. Травы я покажу, но опять-таки надо с кем-то из вас по лугам пройтись.

Майор стоял неподалеку, демонстративно повернувшись спиной. Он делал вид, что увлечен картой и не прислушивается, но я видела, как замерла его голова. Второй прапорщик, Федор Красавин, спросил командира:

- Товарищ майор, тут корреспондент дело предлагает. Может, стоит в рацион немного разнообразия внести? Витамины какие-никакие...

Климук медленно повернулся с таким видом, словно ничего не слышал:

- О чем речь?

- Да вокруг оказывается полно трав-приправ и для чая годных. Может, разрешим корреспонденту готовить на нас, когда она свободна? Обед у нее прекрасно получился и даже не подгорел. Опыт чувствуется!

Майор так и не взглянул на меня, зато лениво сказал:

- А не боитесь, что она нас всех потравит?

Я задохнулась от обиды. Мгновенно вскочила на ноги. Сжав кулаки, вплотную подошла к нему. Подняв кверху лицо,

проверещала срывающимся голосом:

- Да как вы смеете так говорить!.. Да я флору Кавказа изучала не один год и бывала здесь раньше не однажды!

На его лице ничего не изменилось. Он насмешливо посмотрел на меня сверху вниз. Снова отвернулся и направился к палатке, на ходу дав "добро":

- Ладно, пусть готовит. Все равно от нее пользы больше никакой...

Я чуть не разревелась от такого демонстративного пренебрежения. Смотрела ему вслед, готовая кинуться на его прямую спину и дубасить ее кулаками. Если бы не Иван, который тронул за плечо, точно бы зарыдала. Богота сказал:

- Да не обращайте вы на него внимания! Ну, сколько вам говорить? Позлится и отойдет. Только не самовольничайте сильно. Лучше его не раздражать.

Я набрала полные легкие воздуха, медленно выдохнула и уже спокойно ответила:

- Этот солдафон у меня попляшет!

Солдат расхохотался:

- Вы Клима не знаете! Ему на все, кроме нас и службы, плевать! Вы его бесите уже тем, что вы женщина. Так что, вероятнее всего, плясать под его дудку придется вам...

Я упрямо буркнула:

- А это мы еще посмотрим!

Уже к вечеру я нашла способ отплатить майору. Хотя и не самым оригинальным способом. Да и получилось это скорее спонтанно. Для меня под вечер поставили отдельную маленькую палатку, причем в стороне от остальных и это послужило поводом для новой ссоры. Едва представив себе, что останусь одна, да еще и рядом с лесом, мне стало дурно. Я ворвалась в палатку к майору с воплем:

- И вы считаете, что можно поставить палатку у черта на куличках, где меня могут украсть?!

Он мрачно взглянул мне в лицо и четко произнес:

- Мне жаль того чеченца, что наткнется на вас.

Я с минуту стояла открыв рот и вытаращив глаза, переваривая услышанное, а он продолжил изучение карты, словно меня и не было. Я смотрела на стриженый затылок и чувствовала, как внутри растет бешенство. Решение пришло. Выскочив из командирской палатки, бегом пронеслась по лагерю под взглядами мужчин. Вытащила из своей палатки спальный мешок и рюкзак и со всех ног кинулась назад. Отшвырнув полог, ворвалась внутрь. Разведчики смотрели на эти перемещения с удивлением. Аккуратно положила спальник у стены, на него

поставила рюкзак и заявила, глядя на застывшее лицо Климука:

- Я буду спать здесь!

Его глаза загорелись бешенством, когда он проорал:

- Нет!!!

Я подскочила к столу, оперлась на него руками. Глядя в его горящие глаза, промяукала в ответ, вытянув шею. Сама до сих пор не пойму, как у меня так получилось. Это был самый натуральный кошачий вопль:

- А почемяу-у-у?

Он рявкнул:

- Потому что здесь сплю я!

- Палатка большая и места хватит. Вы что, решили, что я вас изнасилую?..

Я разозлилась уже не на шутку и меня "прорвало". Слова летели с губ с такой скоростью, что я даже не успевала думать о их смысле. Мои вопли были слышны всем. Я упрекала его в бесчеловечном отношении к женщине, обзывала "тупым солдафоном" и так далее и тому подобное. Он понял, что весь лагерь слышит истеричные женские вопли и попытался утихомирить меня словами, вполголоса сказав:

- Да вы потише!

Но меня уже трудно было остановить:

- Что тише, что тише! С самого утра на мне отыгрываетесь, а теперь тише. Боитесь, так и скажите!

Он схватил карту и выскочил из палатки со словами:

- Да спите, где хотите!

Победа была за мной. Я расстелила спальник и отправилась раздавать ужин. Разведчики протягивали котелки, с трудом сдерживая улыбки. Они потом рассказывали, что мое яростное мяуканье их здорово озадачило вначале. Я видела вокруг веселые глаза. Климук на ужин не пришел. И вообще, его нигде не было видно. Спросила Боготу:

- Вань, а начальник где?

Он ухмыльнулся:

- От тебя скрывается во второй палатке. Сказал, что есть не хочет.

Я сходила за котелком майора, плюхнула в него душистый от лука кулеш, положила на край ломоть хлеба и пучок дикого чеснока. Протянула солдату:

- Унеси майору, а то еще ноги протянет из-за меня. А я греха на душу не возьму.

Парень без возражений направился к палатке. Вернулся уже без котелка. И то понятно - ссоры ссорами, но есть надо.

Улеглась спать около девяти вечера. Майора все еще не было.

Чуть слышные шаги разбудили меня. В темноте приоткрыла глаза и поняла, что это Климук. Он прокрался мимо. Потом раздался шорох расправляемого спальника, чуть слышный стук сброшенных ботинок. Тяжелый вздох и снова шуршание. Поняла, что он улегся и снова заснула.

Проснулась от стона. Села в мешке и прислушалась. Протяжно стонал майор. Я выбралась из спальника и подкралась к офицеру. Он лежал вытянувшись на спине и надрывно стонал. Голова перекатывалась из стороны в сторону, словно от невыносимой боли. Что-то укололо в сердце. Осторожно взяла его руку в свою и чуть погладила длинные пальцы. Он не проснулся, но стонать перестал. Вроде бы успокоился. Прерывистое дыхание выровнялось. Посидев рядом минут пять, положила жесткую ладонь на край постели и ушла спать. Но уснуть долго не могла.

А утром наши стычки продолжились. И снова, по моему мнению, виноват был майор. После завтрака он собрался вести группу в какой-то аул неподалеку для проверки паспортного режима. Когда я попросилась с ними, он безапелляционным тоном заявил:

- Делать нечего, да и подстрелить могут.

За меня, совершенно неожиданно, вступился прапорщик Красавин. Он был не высок ростом, худощав, с загорелой до черноты кожей и карими, очень теплыми, глазами. Только у него и майора были "краповые" береты. Именно он притащил тяжеленный бронежилет, но в эту минуту заступился за меня:

- Прошу прощения, товарищ майор. Я думаю, что стоит взять корреспондента с собой. Надо же ей будет о чем-то писать потом. По нашим сведениям здесь тихо.

Климук вздохнул:

- Ладно, только маску ей дайте. Не хватало еще, чтоб местное население о женщине среди нас узнало. Решат, что снайпер, шлепнут ненароком. Прапорщик, вы вместе с Боготой несете за нее ответственность с этой минуты.

Я благодарно улыбнулась Красавину и бросилась к палатке. Его тонкое, интеллигентное лицо, чуть осветилось улыбкой и рваный розовый шрам на виске зашевелился, словно змея. Принялась натягивать на себя бронежилет и маску. На этот раз каску мне разрешили не надевать. Красавин сказал об этом через брезентовую стенку. Зато на маске красовалась сверху фуражка, скрывая пучок волос на затылке. Эта фуражка вызывала улыбки у мужиков. Они соревновались в остроумии, пытаясь заставить меня встрять в спор. Самая остроумная шутка звучала так:

- Как разведчик в черной маске, уши стянуты фуражкой, под броней прогибается, Евой называется!

Но я прекрасно понимала, что крыть на все их выпады на этот раз не чем и помалкивала. Для антуража напялили жилет с набитыми травой кармашками, повесили на шею автомат с пустым магазином, а на пояс пустые ножны. В общем, пугало получилось высший сорт!

В эту калитку нас вошло четверо. Суетившаяся хозяйка пыталась улыбаться, но у нее это плохо получалось. Она явно тянула время, стараясь подольше не пустить нас в дом. Красавин что-то почуял. Не заходя внутрь, отправил к майору Ивана Боготу, вполголоса сказав солдату:

- Приведи ребят. Здесь что-то не чисто.

Я шагала следом за прапорщиком, воинственно положив руки на автомат и стараясь делать это по-мужски уверенно. Сзади шел Коля Аксененко. Федор едва успел шагнуть через порог комнаты, как на него кинулось двое заросших густыми бородами мужиков. Аксененко бросил меня на пол, перескочил через мое тело и прыгнул вперед. Чеченцы почему-то не стреляли.

Я валялась на полу и смотрела вверх, где сцепились четверо дерущихся мужиков. Единственная мысль носилась в голове по кругу: "Меня сейчас затопчут". С ужасом смотрела на подковки на мелькавших перед носом каблуках и не знала, куда отползти. Красавин и его противник грохнулись на пол и покатились, сшибая стулья, ко мне. В руках чеха тускло блеснул нож. Не особо задумываясь об этике, я кое-как развернулась в громоздком жилете. Словно черепашка подползла к дерущимся на коленках. Уловила момент и вцепилась бандиту в шею зубами. Вой укушенного мужика перекрыл шум драки. Он отшвырнул Красавина от себя и пытался добраться до меня, но я-то висела на его спине! К тому же мой вес с бронежилетом теперь составлял килограммов около семидесяти. Попробуй, поднимись с такой болванкой! Чеченец катался по полу, надеясь сбросить меня, но не тут то было! Несколько раз его нож тыкался в мой жилет, но я даже и не думала в тот момент, что это опасно.

Сжимала челюсти на шее и руки на куртке все сильнее. Закрыла глаза, чтобы не видеть крутящейся, как в калейдоскопе, комнаты. Прапорщик ничего не мог понять. Стоял и глупо глядел на воющего от боли чеченца. Он явно пока не видел меня. Краем глаза заметил второго, на мгновение отскочившего от Аксененко бандита и машинально ударил его тяжелой рукояткой ножа по затылку. Тот свалился, как подкошенный. Красавин снова посмотрел на орущего катающегося бандита и только тут заметил при очередном перекате мое тело, вцепившееся в куртку чеченца. Коротким ударом ноги он прекратил движение чеха, отправив его в отключку. Присел и резким движением забрал у бандита нож.

Попросил:

- Отпусти его.

Я с трудом разжала сведенные судорогой челюсти. Прапорщик стащил с меня неподвижное тело и помог сесть на полу. Я долго отплевывалась от чужой крови, которой был полон рот. Мои зубы глубоко прокусили волосатую шею. Подоспевшие на помощь разведчики забрали все еще не пришедших в себя бандитов и плачущую хозяйку. Прапорщик поднял меня с пола и поставил на ноги. Хлопнул по плечу и ушел, ни слова не сказав. Солдаты вышли на улицу. Только тут я заметила прорезанную в нескольких местах ткань бронежилета, но почему-то не испугалась и даже не придала особого значения порезам. Вышла на улицу из пустого дома. Во дворе столпился почти весь отряд.

Радист связался с ближайшей базой и сообщил об инциденте. За арестованными обещали прислать вертолет. Я сидела в тени дома и все еще плевалась. В голове кружилось и слегка подташнивало. Красавин о чем-то говорил с майором, отойдя в сторону и время от времени поглядывал на меня. Климук ни разу не обернулся. Богота присел рядом, заглянул в лицо и ухмыльнулся:

- Ева, расскажи, как ты чеченца чуть не съела. Санинструктор Серега вынужден был бинтовать ему шею - кровища до сих пор сочится. Чеченец уже раз пять просил показать ему того, кто так сильно кусается.

Я сплюнула еще разок и мрачно поглядела на солдата:

- Тебе все хихоньки, а он с ножом был.

Иван рассмеялся:

- Понял, твоя альтернатива ножу - зубы! Понимаю, они у тебя, как у акулы!

Я не приняла шутки:

- А много поймали вообще?

- Двенадцать человек и два тайника с оружием нашли. Не много, конечно: с десяток автоматов, гранаты и патронов полкоробки.

- А почему эти не стреляли?

- Думаю, не хотели привлекать внимания. Хозяйка не успела их предупредить, что я ушел за подмогой. Наверное, собирались вас ножами прикончить и тихонько уйти через подвал.

Вдали послышался шум винтов. Я с тревогой посмотрела в сторону майора и встала. Разведчик спросил:

- Ты куда?

- По своим делам.

- В туалет, что ли?

- А если и так?

Он хмыкнул и за мной не пошел. Едва повернув за угол, с трудом забралась в дом через открытое настежь окно и забилась под кровать в самый угол. Слышала, как меня искали и звали по имени, но не отозвалась. Голоса звучали тревожно, но о чем говорили разведчики, я не поняла и продолжала тихонько вдыхать пыль. Вертолеты вскоре улетели. Едва шум винтов стих, выбралась из дома и вышла на крыльцо.

Мое появление было сродни грому среди ясного неба. Сначала наступило молчание, а затем... Я думала, что майор убьет меня на месте! Что он орал, так и не поняла. Это была сплошная скороговорка в течение пяти минут. Но суть сводилась к тому, что я безответственное и безмозглое существо, рискующее жизнями других и мое место в Москве на тусовках таких же идиотов, как сама. Наконец он выдохся и спросил уже нормальным тоном:

- Где вы были?

Я не сочла нужным скрывать:

- Под кроватью.

- И что вы там делали?

- Пряталась, чтобы вы не отправили меня с вертолетом назад.

Такого хохота, наверное, никогда больше не удастся услышать. Разведчики плакали от смеха. Лишь майор сурово смотрел на меня, но и в его глазах что-то изменилось. Левая бровь Климука слегка подергивалась. Несчастный Богота, вместе с Красавиным, из-за моих "пряток" получили от майора по взысканию, как не справившиеся с приказом - "не отходить от журналистки ни на шаг". Но они, как ни странно, ничуть не обиделись. На обратном пути мы шли рядом и болтали. Упрямый майор шагал сзади. Я чуяла, он сверлил взглядом мою, прикрытую бронежилетом, спину.

Прошло две недели. Почти каждую ночь я сидела рядом с майором, держа его руку и в темноте слыша торопливое дыхание. Он пока ни о чем не догадывался. Хотя по утрам как-то странно смотрел на свою правую руку и мне несколько раз показалось, что он ее обнюхивал. А однажды я застала его с моим мылом "Палмолив" в руке. Он сделал вид, что не нашел своего и холодно попросил разрешения воспользоваться моим. Кажется, он начал что-то подозревать. Я перестала мыть по вечерам руки своим мылом. Брала простое мыло Ивана и смывала грязь. Майор вроде успокоился и уже не дергался по утрам.

Днем мы по-прежнему не могли примириться друг с другом. Любая моя просьба воспринималась им в штыки и если бы не заступничество прапорщиков и сержантов, думаю, мне пришлось бы плохо. Я безотказно пришивала подворотнички, штопала

распоротые о кусты брюки и куртки, готовила и даже однажды напекла на ужин блинов. Мое умение вызывало искреннее удивление разведчиков. Все они почему-то думали, что журналисты ничего больше не умеют, кроме написания статеек. Они все чаще обращались с просьбами помочь.

Олег по-прежнему игнорировал меня, пришивал и штопал все сам. Хотя я часто ловила его взгляд, когда склонившись над очередной курткой у костра, зашивала дырки или пришивала пуговицу. Едва он замечал, что я смотрю, тут же отводил глаза в сторону и делал вид, что занят своими делами. Он ни разу не поблагодарил за приготовленную пищу, а когда я подходила с просьбами взять в разведку, неизменно отвечал:

- Расспросите ребят и все узнаете.

Я злилась, но упрашивать его не хотела. Каждый день ребята уходили в поиск. Меня терзала лютая зависть. Они казались мне счастливчиками - видели и знали столько интересного, а я сидела в лагере из-за тупоголового солдафона, который не желал признавать того, что я журналист.

Через неделю я снова "отличилась". Если бы не майор, все могло бы кончиться очень плохо и не только для меня...

Разведчики проверяли близлежащие окрестности каждый день и разрешили мне самостоятельно ходить за валежником для костра - все равно вокруг были расставлены наши посты. В тот день зашла чуть подальше, чем обычно. Поблизости уже весь валежник выбрали. Огромная куча сухих сучьев в глубокой яме обрадовала меня. Набрала уже порядочно, когда под сучками, на стенке ямы обнаружила вырытую нишу, а в ней плоские и довольно тонкие черные круги. Они мне показались похожими на метательные диски и очень подходящими подставками для котелков. Бросив валежник, я вытащила на свет божий несколько штук. Попыталась поднять пять этих кругляшек. Они оказались тяжелыми. Кое-как, вместе с валежником, я дотащила до лагеря три штуки. Разместила возле костра. Помешала кипевшую в маленьком котелке подливку и сняла ее с огня. В это время из палатки вышел майор.

Он мимолетом взглянул в мою сторону и вдруг бросился ко мне. Отбросил в сторону от облюбованной подставки, куда я уже собиралась водрузить горячий котелок. Подливка улетела в неизвестном направлении, а я оказалась на земле. Прижав мою голову к земле рукой, Климук навалился сверху всем телом, почти полностью прикрыв и заорал над ухом:

- Мужики, журналистка в лагерь три противопехотные мины притащила!

Мгновенно из палаток повыскакивали все, кто был в тот день

в расположении отряда. Трое саперов быстро оттащили мины от костра и склонились над ними. А майор, отпустив меня, встал. Протянув руку, помог подняться и строго спросил:

- Где вы их раздобыли?

Я отряхивалась от налипшего мусора и с горечью смотрела на опрокинутую подливку. На ее приготовление ушло больше часа. Хмуро ответила:

- Под валежником. Там еще штук двадцать. Я хотела их как подставки под котелки использовать...

Климук обреченно посмотрел на меня и скрылся в палатке. В его взгляде четко пронеслось: "Непроходимая тупица. Сколько говорил, что посторонние предметы не трогать, а она чуть всех не угробила". Саперы быстро вывинтили детонаторы и посмеиваясь, попросили:

- Проводи нас к этому валежнику с подставками.

Я шагала впереди, как проводник. Они внимательно осмотрели все вокруг ямы и закрыли валежником проделанный мною лаз, как было раньше. Вернулись в лагерь, пригласив меня в командирскую палатку. Вместе с хмурым майором саперы прочитали огромную лекцию о минах. Мало того, они приволокли "наглядные" пособия, состоящие из разряженных мин. А в конце нравоучительной беседы заставили меня повторить вслед за ними, как послушного ученика:

- Посторонние предметы в руки не брать, а рассказать о них саперам или командиру.

Как я потом услышала от разведчиков: возле найденного склада оставили засаду и через день сцапали двоих чеченцев.

Однажды Климук все же решил взять меня в краткосрочный рейд. Прошел уже месяц, как я появилась в группе. Обращалась я со всеми ровно, никого не выделяя особо, лишь с майором мы постоянно находились в состоянии "холодной войны". С чего он вдруг изменил решение - никогда не брать меня в разведывательные рейды - никто не узнает. Возможно, ребята помогли, встав на мою сторону, только майор сдался. На очередную просьбу он неожиданно ответил:

- Ладно. Завтра выходим...

Этот маленький отряд Климук возглавил сам. Противный бронежилет снова оттягивал мои плечи. К этим пятнадцати килограммам добавился рюкзак. В общей сложности пришлось тащить килограммов около тридцати. Разведчики предлагали помочь, но я отказалась. Не хотелось быть им в тягость, так как прекрасно знала, что у каждого из них за плечами килограммов по пятьдесят. Мы поднимались все выше и выше. Вокруг громоздились камни, редкие кустарники и отдельные группы

елей. Шли уже два часа. Наконец майор скомандовал:

- Привал пятнадцать минут.

Все попадали, где стояли. Несколько человек, сбросив рюкзаки, мгновенно растворились между деревьев, чтобы проверить местность на наличие боевиков и разведать дальнейший путь. В поиске нам предстояло пробыть три дня, а потом за сутки вернуться назад. Немного отдохнув, двинулись дальше.

Стоянку на ночлег соорудили на небольшой площадке рядом с вершиной горы. На ней расположился наш дозор. Подобраться снизу тоже было невозможно, тропа только одна и она великолепно просматривалась. Там стоял второй пост. С одного бока громоздился крутой склон, а с другой обрыв, густо поросшие шиповником. На склоне, вцепившись в камни корнями, стояли три могучих дуба. Под ними мы устроили спальные места. Внизу бурлил не широкий поток какой-то горной речушки. Сбросив в воду на веревках гроздь из фляжек, парни набрали воды и развели костер.

Несмотря на страшную усталость, я приготовила ужин, сдобрив концентрат диким чесноком и чабрецом, нарванными мною по дороге. Майор наблюдал за мной искоса, хотя и делал вид, что ему дела нет, но время от времени я ловила его любопытный взгляд. Он тут же хмурился и отворачивался. Подошла и попросила его поставить в караул наравне с ребятами, на что Олег, на удивление спокойно, ответил:

- Вы же стрелять не умеете.

- Кто вам сказал? Богота научил меня разбирать и собирать автомат, заряжать рожки, снимать с предохранителя, передергивать затворную рамку. Конечно, промажу наверняка, но стрелять могу.

Он впервые усмехнулся без злости:

- Вот то-то и оно. Вернемся в лагерь, ребята научат вас стрелять. Я распоряжусь.

Мне "шлея попала под хвост" или этого требовало наше постоянное противостояние, не знаю, только я выпалила:

- С чего это вы сегодня такой добрый?

Он снова усмехнулся:

- Да вот думаю, как сказать, что вам сегодня в общей постели спать придется. Вы же у нас существо непредсказуемое...

Я превратилась в соляной столб с хлопающими глазами, а он "утешил":

- Да вы не пугайтесь. Ничего с вами не случится. Ляжете между мной и Бобром. Мы мужчины сдержанные.

Я густо покраснела, кивнула и сбежала к костру, впервые не

вступив с офицером в перебранку. Климук внимательно смотрел мне вслед. Как могла, оттягивала отход ко сну, едва не свалилась в потухшие угли, сидя рядом с кострищем. Уже в темноте ко мне подошел Стас Бобр, тронул за плечо и тихо сказал:

- Иди, ложись. Хватит мучиться. Понимаю твое смущение, но делать отдельную лежанку здесь негде, да и время терять не хочется. Ложись.

Я подчинилась и побрела к лежанке. Климук лежал с краю и еще не спал. Тихо спросила:

- А я не могу с краю лечь?

- Нет. Мне вставать ночью приходится. Посты проверять.

Вздохнула и осторожно втиснулась между ним и прапорщиком. Вытянулась на спине, чувствуя, как гудит все тело. Необычность обстановки не давала уснуть. Прошло около часа. Вокруг слышалось сонное сопение. Мужчины спокойно спали. Майор снова застонал. Я сразу повернулась к нему лицом. Нашла его руку под плащ-палаткой, привычно погладила пальцы и автоматически прошептала:

- Спи. Все хорошо.

Он проснулся от моего шепота. Я почувствовала это по дрогнувшим пальцам и испугалась. Замерла. Но ничего не произошло. Руки он не отнял, только слегка шевельнул пальцами в моей руке еще раз. В темноте увидела его открытые глаза, направленные мне в лицо и повторила:

- Все хорошо. Спи.

Я вскоре заснула. Проснулась от движения рядом. Открыла глаза и уперлась в глаза майора: он встал и пытался укрыть меня своей плащ-палаткой. Заметив, что не сплю, счел нужным пояснить:

- Посты проверю и приду.

Над горами все еще стояла ночь. Разведчики спали. Майор пришел через десять минут. Думая, что я заснула, осторожно улегся с краю, не решаясь стянуть с меня часть плащ-палатки. Я подняла руку и молча накинула край палатки на его плечи. Он вздрогнул, когда моя ладонь случайно задела по небритой щеке. Прикрыла глаза и нашла его ладонь. Он ее не убрал.

Проснулась от солнышка. Оно светило прямо в правый глаз. Я открыла его и вздрогнула: мое лицо упиралась в грудь Климука, а левая рука офицера преспокойно лежала на моих плечах. Он спал спокойно и тихо, чуть улыбаясь во сне. Такой нежности на его всегда суровом лице мне еще не доводилось видеть.

В голове мелькнуло: "Только этого и не хватало! Мужики увидят - на смех поднимут". Но будить майора не хотелось и я сделала вид, что сплю. Решив про себя - будь что будет. В конце

концов, трудно контролировать себя во сне. Незаметно заснула.

На этот раз проснулась от чуть слышных голосов. Открыла глаза и едва не подскочила: над нами склонился весь отряд. Спали только мы с майором. К моему носу придвинулись губы прапорщика Бобра. Чуть слышный шепот долетел до моих ушей:

- Полежи с ним еще немного. Пусть поспит. Я потом расскажу.

Как ни странно, никто не смеялся надо мной. Не было даже тени улыбки. Они смотрели на командира с какой-то внутренней застывшей болью. И одновременно, мне показалось или это действительно было так, они словно бы облегченно вздохнули. Мужики буквально на цыпочках отошли от нас и принялись за приготовление завтрака. Я ничего не могла понять и продолжала лежать рядом с майором, чувствуя его теплое дыхание на своей макушке. Прошло около получаса, когда Климук проснулся. Мгновенно прикрыла глаза и притворилась спящей, чтобы не смущать ни его, ни себя. Он поверил и осторожно встал. Подошел к мужикам. Я слышала, как он тихо и чуть смущенно сказал:

- Спит журналистка, да и я с ней проспал. Пригрелся, наверное. Почему не разбудили?

Ответил прапорщик Бобр:

- А чего будить? Время раннее. Я посты сменил. Вы хорошо спали, Олег Александрович. Пожалел будить.

Майор ничего не ответил. Я тоже вскоре сделала вид, что проснулась. Села на постели из веток и потянулась всем телом:

- Доброе утро!

Разведчики дружно ответили:

- Доброе! Мы завтрак уже сварганили. Вставай, сейчас есть будем.

- Вот спасибо! И что бы я без вас делала?

И они и я понимали, что это игра - игра перед майором. Он быстро взглянул на меня и тут же отвернулся по обыкновению. Развернулся, направляясь по тропинке вниз. Зная, что там есть естественный, хоть и крутой спуск к речушке, я вскоре направилась следом. Прошла метров сто, когда увидела раздавленный ботинком клочок травы и "приглаженный" шиповник на краю обрыва. Сердце обмерло.

На коленках подползла к краю: майор висел, ухватившись одной рукой за куст шиповника. За обшлаг куртки из распоротой колючками руки стекала кровь. Бежать за помощью было поздно - он соскальзывал, а кричать нельзя. Внизу, метрах в восьми торчали острые обломки камней. Я быстро огляделась. Уцепившись рукой за пару стволиков потолще и чувствуя, как впиваются в ладонь острые шипы, наклонилась вниз. Потянулась

чуть сильнее всем телом и схватила офицера за кисть:

- Держись!

Его пальцы обхватили мою руку за запястье, отпустив хлипкие ветки. Под тяжестью вторая моя рука заскользила по колючему стволу, собирая шипы. Боль была страшной, но руки Климука я не выпустила, как не выпустила и кустарник. Наоборот потянула тело офицера вверх и прерывающимся шепотом попросила, глядя на него расширенными от ужаса глазами:

- Дотянись до меня второй рукой, пожалуйста! Иначе не удержаться.

Он твердо глядя мне в глаза, сказал:

- Отпусти меня.

И разжал пальцы. Я отчаянно помотала головой:

- Нет. Или ты дотянешься или мы оба падаем! Я через минуту разожму руку.

Еще сильнее сжала пальцы на его кисти и попыталась подтянуть майора к себе, собрав все силы. Он снова ухватился за мое запястье длинными сильными пальцами. Мне удалось приподнять его всего на пару сантиметров. Казалось, что каждая мышца в моем теле вдруг вздулась до невероятных размеров. В висках застучало от напряжения. Он вдруг дернулся вперед, оттолкнулся от гладкой стены ботинком и схватился второй рукой за мою шею. Я думала, что он мне ее сломает и напрягла все мышцы, удерживая его вес. Олег еще чуть-чуть подтянулся и вцепился уже левой рукой в кустарник на обрыве. Отпустил меня. Мне сразу стало легче, но я не могла приподняться, не хватало сил, и продолжала висеть, наклонившись над обрывом.

Климук подтянулся и рывком забросил свое тело на каменный край. Обернулся. Встав на колени, схватил меня за талию и поднял на твердую почву. Моя рука на шиповнике не разжималась. Оба стволика до половины были в крови и на них не было ни единой колючки, на камне под ними тоже натекла лужица. Майор одним движением ножа срубил обе ветки. Подхватил меня на руки и потащил в лагерь. У меня совершенно не было сил. Следом за нами тянулась кровавая цепочка следов.

Разведчики перепугались и мгновенно похватали оружие. Но майор скомандовал:

- Отставить. Санинструктор где? Ева вены на ладони порвала колючками!

Я шипела и ругалась вполголоса, как сапожник, когда парень, остановив кровь, таскал пинцетом из голого мяса многочисленные шипы. Богота держал мою руку, которую я при каждом движении медика пыталась убрать. Еще один парень вцепился мне в плечи, удерживая на месте. Метрах в двух от меня

разведчик таскал колючки из рук Климука и он вполголоса рассказывал, что произошло:

- Поскользнулся на росистой траве и полетел вниз. Успел схватиться за молодые кусты, а она вцепилась в старые и меня вытянула. Зато руку угробила надолго.

Он не рассказал им только о моих словах насчет падения вдвоем. Разведчики поглядывали на меня, покачивали головами и задумчиво отходили. В конце "операции" сознание я все же потеряла: в голове вдруг почернело и окружающее исчезло. Сколько провалялась в отключке, не знаю. Очнулась уже перевязанной и лежавшей на постели. Богота сидел рядом и сразу спросил:

- Есть хочешь? Я твой завтрак на углях держу.

Я заметила, что в лагере тихо:

- Мужики где?

- На разведку ушли. Дальнейший маршрут проверить надо.

- А майор? Как его руки?

- Олег с ними ушел. Он ведь только поцарапался слегка, да несколько заноз загнал, а так нормально. Молодые шипы не так сильно кожу раздирают, как старые. А вот ты сильно руку искалечила. Санинструктор вообще требовал вертушку вызвать и тебя отправить, да майор побоялся, что ты бунт поднимешь.

- Правильно побоялся. Я бы с вертолета выпрыгнула. Слушай, а что это вы меня утром лежать заставили с ним?

- Полтора года назад мы в такую переделку попали! Чехи нас со всех сторон окружили возле Чечен-Аула. Вертушки вовремя не появились и пришлось своими силами пробиваться. Клима ранило дважды, а он все командовал. Сам хотел наш отход прикрыть, а тут его еще раз долбануло. Отключился. Двое парней погибли, прикрывая меня и Лабузаева, когда мы его вытаскивали. Парни были - золото! Нашего майора врачи считай, что с того света вытащили, он почти половину крови потерял. После этого Клим спать перестал. Выписали из госпиталя, домой поехал, а жена уже не одна. Истерику ему закатила. А ему в тот момент и так было плохо. В общем, развелись. Он вернулся в отряд. С вечера вроде заснет, а после полуночи бродить начинает по лагерю. Мы первое время боялись даже. Начали исподволь расспрашивать - простить себе не может, что жив остался, а они погибли. Целый год так бродил. А сегодня смотрим, он рядом с тобой спит. Обрадовались!

- А я боялась, что смеяться будете...

- Зачем? Ты, кстати, не хотела бы замуж за него выйти? Мужик хороший, только война вот нутро искалечила. По нашим сведениям у тебя тоже жизнь не сложилась...

Я не знала плакать мне или смеяться от его слов. Глупо спросила:

- Это ты сватаешь меня или как?

- Просто подумай. Мы тут заметили, что он к тебе отношение изменил в лучшую сторону. К женщинам в последнее время он еще так не относился. Может, оттаивать начал? Подумай...

Разведчик ушел за котелком с едой. В голове царил сумбур: целый отряд готов был сосватать меня за своего командира. А я даже не знала, как к нему отношусь. С одной стороны хорошо, а с другой, все еще обижена на его прошлое отношение. К тому же уехать из Москвы в Чечню, как на постоянное место жительства... Что делать здесь журналисту? А ведь я практически ничего больше не умею. Только писать, писать и писать. Да, жизнь не баловала. Муж не выдержал моих командировок и нашел другую...

Богота явился с котелком. Поставил его на ветки и протянул ложку:

- Рубайте!

Мысли сами собой прервались. Приготовленная разведчиками перловка с тушенкой отдавала дымком и была необыкновенно вкусной. Ваня отправился за чаем для меня. Вернулся с кружкой. Быстро поставил ее рядом с котелком и подул на пальцы:

- Горячая! Мы по твоей методике трав насобирали, да с шиповника молодых веточек нащипали. Чай что надо получился! Мужикам нравится.

Климук с разведчиками прибыли через час. Богота за это время успел "свернуть" лагерь. Я пыталась помочь, но одной рукой мало что сумела сделать. Слава Богу, что хоть свои вещи смогла забить в рюкзак и даже застегнуть его при помощи зубов. Когда разведчики прибыли, мы были готовы к переходу. Не смотря на слабость, я застегнула на себе бронежилет и попробовала закинуть рюкзак на спину одной рукой. Ничего не получилось. Климук подошел и отобрал рюкзак:

- Идите. Я сам донесу ваши вещи.

Рядом никого не было и я тихо сказала:

- По-моему, на том обрыве мы перешли на "ты". Я понесу сама, у тебя и так не легкий груз. Не настаивай. Когда решу упасть, скажу.

Олег не стал спорить, лишь пристально посмотрел в глаза. Я впервые увидела в них сочувствие. Помог мне надеть рюкзак и шагнул к мужикам. Что-то тихо и быстро сказал им. Я не расслышала слов, но, думаю, - речь шла обо мне. Отряд отправился дальше. Вначале пути мне было трудно. В голове

кружилось, но я упрямо шагала вперед. Потом все наладилось, лишь слегка постукивало в висках. Через час Климук объявил привал. Знала, что он сделал это из-за меня и была искренне благодарна за заботу. Остальные тоже знали, но никто не высказал недовольства, никто не подшутил надо мной, хотя мы безбожно опаздывали.

Прапорщик Бобр помог сбросить рюкзак и бронежилет. Заметил явное облегчение на моем лице, когда скинула бронежилет. Тихо сказал:

- Броник отдай мне, я донесу.

- Стас, я дотащу его и сама, только не на теле. Ты можешь его сложить и ремнями присобачить спереди к лямкам рюкзака?

- Тогда зачем снимать?

Я наконец-то призналась:

- Да он мне спину натер до крови!

- Санинструктор посмотрит, я сейчас скажу.

- Фигушки! Обойдусь как-нибудь.

Прапорщик засмеялся, поняв, в чем дело:

- Он же медик! Сейчас жарко, всякое может случиться, так что показывай свою болячку. Сергей, подойди сюда!

Рыжий санинструктор с закатанными по локоть рукавами, подошел и передвинул на живот сумку с красным крестом. Помаргивая светлыми ресницами, тревожно спросил:

- Швы разошлись?

До этой минуты я даже и не знала, что он мне сшивал разрывы на ладони. Бобр ответил:

- Да нет. Ева спину натерла бронежилетом, посмотри.

Обернулся ко мне и его темные круглые глазки стали еще круглее от дружеской усмешки:

- Давай-давай, задирай тенниску!

Я взмолилась:

- Ну, не при всех же!

Стас посуровел и скомандовал:

- Отвернуться всем!

Мужики дружно повернулись спиной. Я приподняла одежду. Санинструктор, не сдерживаясь, ахнул:

- Да как же вы это терпели!

Ясно расслышала шорох, но обернуться не дал медик:

- Стой спокойно. Сейчас промою, мазь наложу и перевязку сделаю. Чего раньше не сказала?

- Майор отчислит из группы. Боялась.

За спиной прошелестел тяжелый вздох. Санинструктор за пару минут справился с задачей. Поправил мне тенниску и куртку. Строго сказал:

- На спине ничего нельзя носить по меньшей мере дней пять. Вечером перевязку по новой сделаю, у тебя уже загнаиваться начало по краям. Раньше надо было сказать...

Я перебила его разглагольствования:

- Эластичный бинт есть?

- Имеется.

- Тогда перетяни спину им по обычному бинту и я понесу груз сама.

Медик понял, что лучше не спорить и сделал, как просила. Помог забросить рюкзак за спину, а Бобр привязал спереди сложенный бронежилет, внимательно разглядел его и направился к майору. О чем они говорили, я не знаю, но майор помрачнел и пару раз взглянул в мою сторону.

К четырем часам пополудни мы преодолели лесополосу и вышли на альпийский луг с кустарником. Вскоре впереди идущие разведчики привели наш отряд к покинутой кошаре. Хибара была старой, но прочной, так как была сложена из валунов. К тому же и стояла на открытом месте. Никто не сможет подобраться неожиданно. Из гранатомета ее тоже было не пробить ни с которой стороны. Толстенная земляная крыша не пропустила бы даже мину. Это мне сказали довольные разведчики. Они мигом натаскали еловых лап для постелей и валежника для костра. Меня от работы освободили, но я уговорила Боготу пойти и насобирать трав. Майор не возражал, хотя предупредил:

- Внимательно смотрите под ноги. Здесь могут оказаться мины. Ева, заметишь что-то подозрительное, замри и зови Ивана.

Но все обошлось благополучно. За полчаса мы с Ваней насобирали охапку травы для чая, в огромном количестве накопали ножами луковичек дикого чеснока и нащипали молодых листочков щавеля. Богота унес травы и корешки в лагерь. Взамен притащил из кошары два котелка. Вскоре мы наполнили их крупной земляникой, в большом количестве алевшей в траве. Ягоды ели после ужина с чаем. Морщились, когда попадались кислые. Климук вдруг подскочил и бросился к своему рюкзаку:

- Мужики, а у меня есть несколько банок сгущенки! Совсем забыл про них! Давайте, перемешаем? Не так кисло будет.

Довольные разведчики пытались накормить меня этим лакомством. Но ничего не получилось. Поужинала я плохо и вообще чувствовала себя неважно. Рука разболелась и к вечеру поднялась температура. Не выдержав, прилегла на край приготовленной постели. По приказу майора, который внимательно наблюдал за всеми перемещениями, ко мне сразу же подошел санинструктор. Осмотрел обе раны, промыл и снова

забинтовал. Когда он осматривал спину при ребятах, мне было уже все равно. Медик дал какую-то таблетку, Богота принес воды, чтобы запить. Санинструктор вздохнул и ушел, сказав, что такое больное состояние вполне возможно.

Олег, заметив, что я вот-вот засну, подошел и попросил передвинуться чуть дальше. Я выполнила его просьбу. Немного полежала с закрытыми глазами, чувствуя, как в висках пульсирует кровь. Разведчики перебрасывались короткими фразами. Мое болезненное состояние действовало на всех. Жар заполнил тело до краев и я уснула.

Проснулась в темноте от холода. Меня буквально трясло. Подбородок дрожал, озноб волнами пробегал по спине. Олег тихо спал рядом. Не особо вдаваясь в рассуждения на тему морали, подползла к нему и крепко прижалась всем телом. Он мгновенно проснулся, замер и удивленно прошептал:

- Ева, ты что?..

Стуча зубами, прошипела:

- Холодно, так холодно. Извини, я замерзаю.

Его ладонь дотронулась до моего лба:

- Да ты вся горишь! Разбудить медика?

- Не надо, ведь это в порядке вещей.

- Иди сюда. Повернись спиной ко мне...

Его руки плотно обхватили меня под грудью и притиснули к себе. Лицом он уткнулся в мои волосы. Я слышала прерывистое дыхание. Несколько раз его губы дотрагивались до моей макушки. Олег думал, что я в забытьи, но я все чувствовала. Понемногу согрелась и незаметно заснула под стук его сердца. Он согревал меня собственным телом целую ночь. Спал он сам или нет, не знаю. Кто проверял посты, тоже неизвестно. К утру температура спала. Встала я уже вполне здоровой. И что мне больше помогло, таблетка или неожиданное тепло сурового майора, трудно сказать.

Эта кошара оказалась конечной целью нашего отряда. Утром ребята разбрелись по предгорью. Целый день провели где-то наверху, наблюдали, вносили изменения в карты, сверяли ранее полученные данные с новыми. Я оставалась во временном лагере с двумя разведчиками. Помогала готовить, собирала травы и земляннику. К вечеру все вернулись во временный лагерь. Утром собирались отправиться в обратный путь.

Ночь прошла спокойно, если не считать тот факт, что я спала в объятиях майора, уткнувшись лицом в его шею. В кромешной тьме хижины впервые решилась дотронуться до его колючей щеки губами. Он не отстранился, хотя сам не пошевелился. Пальцами слегка перебирал мои волосы и молчал. И откуда я взяла, что его

пальцы жесткие? Они были такими нежными!

Но чехи внесли свои коррективы в наши планы. Утром начался бой. Бандиты лезли со всех сторон. Уже через десять минут появился первый раненый. Олег вбежал в кошару всего на секунду, швырнул мне в руки автомат и сказал:

- Если что, стреляй и живой им в руки не сдавайся. Это хуже смерти!

Наклонился, торопливо поцеловал в губы и исчез. Вбежал санинструктор с парнем на спине. Рыжие волосы взмокли от пота. Я бросилась к нему:

- Сергей, что происходит? Могу тебе помочь?

- Можешь. Перевязывай раненых! Бинты, вату найдешь в рюкзаке с крестом. Сейчас еще одного принесу...

Он исчез. Я узнала раненого парня - Коля Аксененко. Он был весь в крови. Я растерялась. Влезший санинструктор понял мои колебания:

- Руки осколками изрешетило и висок задело, а так цел. Только сознание потерял. Похоже на контузию. Он руками лицо прикрыть успел, потому и в крови весь. Наши вертолеты вызвали, скоро подлетят.

- Олег как?

Похоже, мой вопрос его нисколько не удивил:

- Живой! Командует.

Я не очень умело перемотала руки и голову Аксененко. Принялась за второго, но что-то заставило выглянуть из двери. Возможно наступившее на минуту затишье. От кустарников с другой стороны кошары кто-то полз. Шевелилась трава. Некстати вспомнилось: в той стороне столько земляники! Отстреливающиеся от основного отряда бандитов разведчики не могли видеть шевеления травы, так как находились спиной. Из-за высокой растительности пока было не понять, кто ползет, но я все же насторожилась и на всякий случай сняла автомат с предохранителя и передернула затвор, как учил Богота. Тот, кто полз, не мог меня видеть. Дощатая дверь надежно скрывала силуэт. На мгновение из травы приподнялся человек. Он был с бородой.

По спине потек противный липкий пот. Страх начал закрадываться в душу, но я сумела переломить себя: "Мужики дерутся, а я струшу. Позволю напасть на них со спины? Изображу городскую барышню? Ведь Олег там!". Стиснув зубы, стараясь не думать о заболевшей руке, прицелилась, как учил Ваня. Трава зашевелилась еще в одном месте. Она скоро должна была закончиться перед ползущими. Метров десять тянулось открытое пространство, где не было ни одного укрытия, кроме кошары.

Я ждала за дверью, словно оцепенев. Глаза, не мигая, смотрели на шевелящиеся травы. Едва фигуры вскочили, чтобы перебежать к стенке кошары, начала стрелять. К моему удивлению, оба бородача споткнулись и упали в согнутом состоянии. Они не шевелились. Из кошары выбежал санинструктор:

- Это ты стреляла?

Я, смотрела остановившимися глазами на трупы. Заикаясь, пробормотала:

- Они ползли... Увидела, а потом убила их.

Он встряхнул меня за плечи, приводя в чувство и крикнул в лицо, в глаза:

- Ты только в истерику не впадай! Пожалуйста! Нам продержаться минут пять осталось! Держись, пока я ребят перевязываю. Отбивай атаку, если полезут. Держи еще один автомат...

Он бросил рядом со мной оружие. Я сжала ужас в душе в крошечный комок, подняла второй автомат, продолжая наблюдать за окрестностями. Руки тряслись, как в лихорадке. Сквозь бинты на левой руке проступила кровь, но мне было не до мелочей. В горле стоял комок, который никак не могла проглотить. Из травы больше никто не полз, но я знала, что в той стороне были наши ребята. Подхватив второй автомат, решительно кинулась туда, пригнувшись в траве и стараясь из нее не высовываться. Наблюдения за разведчиками и этот месяц жизни в их среде все же кое-чему научили меня.

Оба парня были мертвы. У каждого было перерезано горло. На куртках до самого пояса расползлись кровавые пятна. Глаза солдат застыли в удивлении. Меня заколотило. К горлу подступила тошнота. Метрах в двадцати из травы выглянуло несколько бородатых лиц и страх неожиданно прошел. В душе появилось что-то страшное. Такого я еще ни разу в жизни не испытывала. Мне хотелось убивать. Убивать тех, кто сотворил подобное с молодыми красивыми парнями.

Не прячась, сжала автомат обеими руками покрепче, чтобы ствол "не гулял" и дала по боевикам длинную очередь, заставляя их залечь. Боли в руке почти не ощущалось. Привстав на колени, достала из подсумка одного из убитых ребят пару круглых рубчатых гранат. Не очень умело выдернув чеку, швырнула "лимонку" в наступающих бандитов. Сама упала за труп парня. Точно так же поступила и со второй гранатой. Ни разу до этого я не швыряла гранаты, даже учебной, скорее это сработал инстинкт самосохранения. Память услужливо преподнесла картинки, не раз виденные в фильме, как бросали гранаты герои боевиков.

После взрывов, словно сквозь пелену услышала, как в небе гудят вертушки. Привстав из травы, увидела убегающие спины чехов и разрядила им вслед остаток рожка. Двое упало, остальные продолжали бежать к ельнику. Я проводила их остановившимися глазами. Потом отшвырнула оружие в сторону, упала рядом с трупами разведчиков на колени и зарыдала в голос, уткнувшись лицом в траву. Это была разрядка от нечеловеческого напряжения. Климук нашел меня по этому звериному плачу. Приподнял, заглянул в глаза:

- Ева, все закончилось. Ты настоящий герой. Сергей рассказал. Понимаешь, ты прикрыла нам спину. Ведь мы думали, что ребята живы и не оглядывались...

Я уткнулась ему в грудь лицом и зарыдала еще сильнее, обхватив за шею руками. Он поднял и поставил меня рядом с собой. Крепко прижав, тихо сказал на ухо:

- Понимаю, через что ты прошла и что ты чувствуешь. Сергей сказал, что ты двоих скосила, когда они кинуться к нам хотели. Успокойся, это со временем пройдет.

Мне хватило сил только чтобы сказать:

- Если бы ты знал, как мне было страшно!

Он обнял меня за плечи и молча повел к кошаре. Моя голова лежала на его плече и его куртка впитывала нескончаемый поток моих слез.

Раненых теперь было уже четверо. Убитыми были лишь те два парня. Разведчики молча принесли их и положили в тени стены, прикрыв лица куртками. Все молчали. Только я никак не могла успокоиться. Уткнувшись лицом в постель из лапника, горько рыдала от всего пережитого за это утро. Широко распахнутые мертвые глаза, еще несколько минут назад живых парней, стояли в памяти.

Санинструктор попытался напоить чем-то успокоительным, но капли не помогли. Тогда он всадил мне укол в вену. Вообще-то уколов по жизни я боюсь, но тут было все равно. Когда отключилась, не помню.

Очнулась в палатке майора в нашем базовом лагере. Я лежала на спальном мешке у брезентовой стенки. Климук что-то писал, сидя за столом возле горевшей свечи. Временами задумывался, что-то черкал, а затем продолжал писать. Тихо позвала:

- Олег!

Он посмотрел в мою сторону и впервые улыбнулся:

- Наградной лист на тебя оформляю. К медали "За боевые заслуги" будешь представлена.

И вдруг безо всякого перехода сказал:

- Давай поженимся?
В ту минуту я твердо знала, что никогда не скажу ему "нет".
22-25 июня 2002 года